

Human psychology in extreme conditions occupation of the Pskov region during the Great Patriotic War

(Психология человека в экстремальных условиях оккупации Псковского края времен Великой Отечественной Войны)

Manoilova M.A.

Doctor of Psychology,
Pskov State University; Pskov, Russia

Abstract:

The article is aimed at understanding human psychology during the Nazi occupation at the regional level in the context of personal history. The psychology of a civilian in extreme military conditions has not been sufficiently researched, and the reason lies in an interdisciplinary approach. All researchers of military psychology emphasize that the psychology of a person who is in extreme conditions, which are military actions, significantly differs from the psychology of a person in peaceful conditions in specific features, states, and qualities. In extreme conditions, both the lowest and the highest qualities of the human spirit are manifested in a person. The entire military psychology of a person is formed during a war, and persists for a long time after hostilities. The article presents four personal stories of the inhabitants of the occupied Pskov territory during the Great Patriotic War, which state the presence of constant anxiety, fear and despair. The article discusses the main conditions of a person in extreme conditions, the stages of their development. In all extreme situations, a person's moral conditioning, and mental state play a decisive role; they determine the readiness for deliberate, confident and prudent actions in critical moments. It is concluded that the use of field research to collect the oral personal history of civilians can significantly enrich knowledge about human psychology in the extreme conditions of the Great Patriotic War.

Keywords: extreme conditions, human psychology, occupation, Pskov region, Great Patriotic War.

Аннотация: Статья направлена на осмысление психологии человека во время фашистской оккупации на региональном уровне в контексте личной истории. Психология гражданского человека в экстремальных военных условиях недостаточно исследована, и причина кроется в междисциплинарном подходе. Все исследователи военной психологии подчеркивают то, что психология человека, находящегося в экстремальных условиях, которыми и являются военные действия, от психологии человека в мирных условиях существенно отличается специфическими особенностями, состояниями и качествами. В экстремальных условиях у человека ярко проявляются как низшие, так и высшие качества человеческого духа. Вся военная психология человека формируется во время войны и долго сохраняется и после военных действий. В статье приведены четыре личные истории жителей оккупированной Псковской территории во время Великой Отечественной войны, которые констатируют наличие постоянной тревоги, страха и отчаяния. В статье рассмотрены основные состояния человека в экстремальных условиях, этапы их развития. Во всех экстремальных ситуациях решающую роль играет моральная закалка и психическое состояние человека, они определяют готовность к осозанным, уверенным и расчётливым действиям в критических моментах. Делается вывод, что применение полевых исследований сбора устной личной истории гражданских жителей могут значительно обогатить знания о психологии гражданского человека в экстремальных условиях времен Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: экстремальные условия, психология человека, оккупация, Псковский край, Великая Отечественная Война.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 21-011-44230 Theology "The Role of the Church in the Life of the Population in the Occupied Territory Pskov Territory in 1941-1944."

Введение

Актуальность данного исследования заключается в том, что: проблема психологии гражданских жителей на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны недостаточно раскрыта в научных исследованиях; недостаточно исследований о влиянии экстремальных военных условий на психику гражданского человека; необходимо дальнейшее освещение историко-психологических аспектов разгрома немецко-фашистских войск и их сателлитов в годы Великой Отечественной войны.

Изучение психологии человека в экстремальных ситуациях осуществляется в основном в рамках военной психологии. Г.Е. Шумаков первым дал определение военной психологии и проанализировал психику и поведение воинов в различных условиях боя. А.М. Дмитриевский, А.С. Резанов, П.И. Измestьев и др. исследовали различные состояния человека в бою во время Первой Мировой Войны. После революции 1917 года проводили исследования военные психологи А.Н. Суворов, П.И. Измestьев и др. В эмиграции продолжали исследования русские психологи Н.Н. Головин, А. Керсновский, П. Краснов и др. В период Великой Отечественной войны (далее - ВОВ) военная психология занималась исследованием проблем волевых качеств бойцов, боеспособности раненых, реабилитации стрессовых состояний (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Запорожец, С.Л. Рубинштейн и др.). С середины XX века проблемой личности в пограничной ситуации занимаются представители экзистенциальной психологии (В. Франкл, К. Ясперс). В социальной психологии осуществляется анализ стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях (Л.А. Анцыферова, Л.Е. Петрова, М.А. Манойлова и др.). В конце XX начале XXI века формируется направление психологии экстремальных ситуаций (В.И. Лебедев, А.М. Столяренко, А.В. Гостюшин и др.). Концепция о существовании ресурсных позитивных состояний в экстремальных условиях обосновывается философами и психологами (К. Ясперс, Г. Олпорт, Д.А. Леонтьев и др.), которые утверждают, что сама экстремальная ситуация оказывает не только разрушительное влияние на человека, но и способствует духовному росту, подталкивает человека к трансцендентному осмыслению и расширению возможностей существования в постоянно меняющемся, непостоянном, агрессивном мире.

Современный исследователь по психологии войны Е.С. Сенявская, в своей монографии наиболее полно обобщает и дополняет психологические знания историческими фактами, исследует человеческий фактор в экстремальных условиях, что, конечно же, составляет суть духовных явлений в экстремальных условиях [5].

Большинство исследователей военной психологии подчеркивают отличия психологии человека воюющего (фронтовых солдат и офицер), находящегося в экстремальных условиях, которыми и являются военные действия, от психологии человека в мирных условиях, прежде всего психологическими особенностями, состояниями и качествами. Однако, о психологии гражданского человека в экстремальных военных условиях недостаточно исследований.

В качестве объекта данного исследования выступают гражданские жители Псковского региона периода фашистской оккупации во время ВОВ. Предмет исследования - психология гражданского человека в экстремальных оккупационных условиях. При рассмотрении ВОВ ограничиваемся периодом оккупации Псковского региона - 1941-1944 гг. Историко-психологический характер исследования предопределил необходимость междисциплинарного подхода.

В основу полевого исследования берем постулат, что все жители оккупированной территории Псковского региона во время ВОВ являются прямыми источниками психологических знаний в контексте личной истории.

Основной текст

Великая Отечественная война разрушительная, кровавая, жестокая, с огромными потерями гражданского населения именно России. Человечество жило в начале XX века, вроде бы научный, технический, культурный прогресс и резкое скатывание человечества в дикость и неуправляемое варварство, запредельную безнравственность и отсутствие морали. «Люди» убивали людей с

воздуха, на море, под землей. Подло и втихаря травили газами, живыми закапывали в землю, насиловали, ставили опыты и изощренно убивали, - такое в массовом виде не происходило в истории никогда.

В диссертационном исследовании С.В. Кулик указывает, что формы и методы, которыми проводилась в жизнь нацистская оккупационная политика на территории России, отличались крайней изощренностью и жестокостью. Она заключалась в максимальной эксплуатации местных человеческих и материальных ресурсов [3].

Научным языком, очень мягко говоря, можно назвать все происходящее в период ВОВ – экстремальными условиями. Под экстремальными условиями будем понимать сложное состояние жизнедеятельности общества, опасное для жизни, здоровья и психики человека, вызывающее тревогу, страх и отчаяние. Экстремальные условия, требующие от психики человека высочайшего напряжения, могут запустить психопатологические реакции и состояния. Катализатором становятся именно экстремальные условия, в которые попадает человек. Экстремальные условия оккупации обостряют психику человека (чувства, волю, интеллект). В экстремальных военных условиях проявляют как худшие человеческие качества (предательство, трусость, подлость и пр.), так и самые высшие (отдать жизнь за други своя, грудью закрыть амбразуру, поделиться 30 граммами хлеба и пр.).

Более трех лет территория Псковского края находилась под фашистскими оккупантами, люди постоянно находились в стрессовых экстремальных условиях. Психологию людей, находящихся в течение нескольких лет под оккупированными войсками во время ВОВ, находящихся в сверх - экстремальных условиях, можно констатировать как пограничную. Для понимания экстремальности условий, в которых жили люди в Псковском крае, приведем историческую справку, в которой перечислим, далеко не все, а только основные исторические вехи 1941-1944 гг:

- 2 июля 1941 года начались бомбардировки городов Пскова и Великих Лук.
- 4 июля 1941 года был занят оккупантами город Остров.
- 9 июля 1941 года в Псков вошли оккупанты, это на 18 день ВОВ.
- Действовало 29 партизанских бригад общей численностью 57 тысяч человек. По масштабности партизанского движения это не сопоставимо ни с одной другой областью.
- Оккупанты сожгли около 4 тысяч деревень, уничтожили более 7 тысяч мирных граждан, вывезли в другие зоны более 150 тысяч человек.
- В первые дни войны призвали на службу 15 тысяч человек — почти четверть всего городского населения.
- Всего же за годы войны с фашистами бились около 200 тысяч уроженцев псковской земли.
- С освобождением 11 августа 1944 года города Печор, завершилось освобождение Псковской земли в целом.
- После освобождения Пскова в 1944 году Чрезвычайная госкомиссия по расследованию зверств фашистов установила, что в одном только Пскове и его окрестностях оккупанты умертвили более 290 тысяч человек. Однако, точное их количество узнать уже невозможно [1, 4].

Зверства, насилие, убийства, страх и ужас несли оккупанты во время ВОВ гражданским жителям Псковщины. Как точно указывает С. В. Кулик: жители городов и деревень голодали и подвергались различным репрессиям со стороны оккупантов. Массовый террор против местного населения являлся заранее продуманной преступной политикой нацистского государства [3].

Участников и свидетелей оккупации Псковского края остается все меньше, а потому так дороги их воспоминания о прожитых событиях в годы ВОВ. Приведем примеры личных устных историй жителей Псковского региона во время фашистской оккупации в годы ВОВ. В данной статье личные истории приведены в сокращенном виде из-за требований к объему статьи.

Личная история 1. Воспоминания Котовой Зои Яковлевны, деревня Бельское Устье: «Когда в деревню пришли немцы, то они поселились в старом здании детдома, а часть из них жили в палатках в саду у соседей. Часто они подзывали меня с сестрой к изгороди, чтобы угостить нас супом, а иногда и конфетами». Зоя Яковлевна говорит, что поначалу фашисты не зверствовали и к населению относились хорошо: вернули всем землю, чтобы могли работать и жить от своих трудов.

Далее Зоя Яковлевна рассказывает о том, как партизаны пришли в храм на богослужение поставить свечи и помолиться за убиенных, но нашелся предатель, который сообщил фашистам и те пришли уничтожать партизан. «Когда немцы стали выпускать женщин на улицу из храма, партизаны

потребовали у священника открыть им второй вход через алтарь и помочь им уйти (но как можно было уйти, если храм был окружён?). Священник Николай Беляев стоял на коленях и только молился: в этот момент нельзя было остановить службу. Тогда партизаны убили его. В этой перестрелке также погиб и староста храма Василий Нефёдов (их могилы находятся за алтарём храма)». По словам Зои Яковлевны в перестрелке, которая завязалась между оставшимися среди мужчин в церкви двумя партизанами и немцами, несколько немцев было ранено. Оставшись к тому же без офицера, остальные немцы бежали. Бой закончился быстро, так что другие партизаны даже не успели помочь. Во время этого боя в храме, вспоминает Зоя Яковлевна, был убит и её дядя – родной брат ее отца, который принимал записки и выдавал свечи во время службы.

«Чтобы отомстить, волостной решил расправиться с населением. Он составил списки семей, сыновья или отцы которых были в партизанах. Вскоре в деревне появились немцы и велели всем выйти на улицу: выгнали всех к берёзам, поставили в ряд, пулемёт навели. «Кто в родстве с партизанами, выйти!» - перевёл переводчик приказ офицера; думали, что всех расстреляют здесь же. Стали вызывать по фамилиям, а на возах уже сидело несколько семей из других окрестных деревень. «Остальные по домам! Не оглядываться!» - крикнул переводчик. Так и увезли партизанские семьи - всего около 60 человек. Некоторые так и не вернулись домой после войны, скорее всего, погибли в лагерях Германии» - говорит Зоя Яковлевна.

«Но советская армия уже подступала к Порхову, и ожесточённые бои шли в районе деревень Страшницы и Тимоново близ Бельского Устья. Жители рыли окопы и прятались там, спасаясь от пуль и снарядов. Но карательные отряды стали хватать людей, чтобы вывезти Германию. Отец Яков Михайлович со своими двумя братьями также был схвачен и отвезён в Порхов, откуда в вагонах для скота эшелон увёз людей в Германию. Произошло это всего за несколько дней до освобождения Порхова. Как выяснилось потом, он погиб в концлагере в городе Дахау».

Зоя Яковлевна вспоминает, что сильный голод начался к концу войны и после неё. Приходилось собирать в поле оставшиеся замёрзшие картофелины, которые уже больше напоминали крахмал, и мать смешивала их с чем-нибудь и готовила что-то напоминающее кисель.

Когда фашисты отходили, они угнали не только население, но всю скотину. Зоя Яковлевна рассказывает, что одна из коров каким-то образом отбилась от стада и вернулась в деревню к своим хозяевам. Эта корова кормила всех детей в деревне: её хозяйка была очень добрым человеком и по очереди давала по одному литру молока детям всей деревне, хотя у самой было четверо маленьких ребятшек.

Зои Яковлевны было всего девять лет, когда окончилась война.

Личная история 2. Воспоминания Фёдоровой Марии Ивановны, которая шестилетним ребёнком увидела начало военных лет. Вместе с родителями, бабушкой, братьями и сёстрами, которых в семье было 7 человек, она жила в деревне Печково. «Когда деревня уже была готова к эвакуации, в небе появились фашистские истребители и стали бомбить. Многие жители деревни погибли во время бомбёжки, и большая часть домов сгорела. Сгорел и дом, где жила наша семья, и пришлось переселиться в деревню Заольшаг в пустой дом брата отца, который уже с семьёй успел эвакуироваться».

Отец Марии Ивановны, Иван Матвеевич, не был мобилизован на фронт потому, что воевал в гражданскую и финскую войны и был ранен. И когда началось партизанское движение, начал помогать партизанам, за что и был схвачен немцами и отправлен в ДУЛАГ, но его родные об этом ещё не знали. Через несколько дней, после того как внезапно пропал Иван Матвеевич, подъехавший грузовик увёз в этот же концлагерь, его жену и детей - самой младшей его дочери не было ещё и месяца от роду. Там, в этом страшном месте, в бывшей солдатской не отапливаемой казарме, теперь служившей баракom, они испытали и сильный мороз, и страшный голод, и увидели страдания измождённых пленных русских солдат. Мария Ивановна помнит, как каждый день из барака выносили умерших детей и женщин. Но самым страшным вспоминаем, которое осталось в памяти у восьмилетней девочки от пребывания в концлагере, - показательный расстрел солдат. Мария Ивановна до сих пор не может забыть, как их всех выгнали в сильный мороз из барака на улицу, где уже рядами стояли пленные полураздетые солдаты, окружённые немцами с палками и автоматами. Дети прижимались к своим матерям, но фашисты специально разворачивали их в сторону солдат, чтобы они видели расстрел. И тут же под дикий хохот толстого немецкого офицера начался расстрел...

По воспоминаниям Марии Ивановны, они пробыли в ДУЛАГЕ около трёх месяцев, и затем эшелонам с другими узниками ДУЛАГа их отправили в Литву. По дороге прошёл слух, что уже освобождён родной город, и это вселило в них надежду на скорое освобождение.

Личная история 3. Воспоминания малолетней узницы Чернышевой Татьяны Николаевны. «В 1939 году, когда я родилась, началась финская война, и отца забрали на фронт. Война продлилась четыре с половиной месяца, и он вскоре вернулся к семье. Но недолго продлилась мирная жизнь: фашистская Германия напала на СССР и его снова мобилизовали на фронт. Мать Анна Ивановна растила дочку Татьяну, как и другие сотни тысяч советских женщин, неся тяжкое бремя военного времени.

В начале 1944 года части Красной Армии начали наступление в Новгородском направлении и двигались в сторону Порхова. Поэтому немецкие оккупанты, отступая, стали сгонять скот, жечь деревни и вывозить гражданское население. Татьяна Николаевна, будучи пятилетним ребёнком (в возрасте, когда, казалось бы, мало что можно помнить), отчётливо запомнила, что 6 января, в Рождественский сочельник, жители Любоежи, увидев, что со стороны Щилинки по мосту в деревню направляются каратели (как потом выяснилось, это были финский карательный отряд), стали прятаться в окопы, которые были выкопаны почти возле каждого дома. Думая, что ждать придётся долго, Анна Ивановна решила вернуться в дом и взять еды, но она не успела, так как к дому уже подошли каратели и схватили её. Маленькая Таня, увидев это, бросилась за мамой, а женщины в окопе, пытаясь спасти девочку, обнаружили себя и также были забраны карателями. Кого из жителей деревни удалось схватить, собрали в Щилинке и затем отвезли в Порхов. В городе всех поместили в не отапливаемые вагоны и отправили в Латвию. Через несколько месяцев, уже ранней весной, всем с хуторов было приказано собраться на сборный пункт для отправки в Германию. Всех мыли в ваннах и тщательно осматривали на предмет болезней: в Германию отбирали только более - менее крепких и здоровых людей. Но кто заранее узнал о предстоящем, натирал крапивой кожу и их, как больных, оставили. Везли людей в холодных вагонах для скота.

В Германии разместили их в 60 километрах от Дрездена, где также находились чешские, польские и французские военнопленные. Бараки были с трёхъярусными нарами, не отапливаемые. Взрослые на день уходили на работы в город, а детей заставляли чистить фекалии. Кормили гражданских узников, по воспоминаниям Татьяны Николаевны, почему то намного хуже, чем военнопленных, и часто лагерная баланда была с червями. Время от времени военнопленным чехам с их родины, каким - то образом передавали посылки с едой, и они всегда, хоть и немного, подкармливали русских детей: у каждого чеха был свой «подшефный» ребёнок. Польские военнопленные вели себя совершенно иначе: на глазах голодных детей они выливали баланду на землю - такова была историческая ненависть к русским, по воспоминаниям Татьяны Николаевны».

Татьяна Николаевна помнит, что, у ее матери всегда при себе была маленькая бронзовая староверская иконка Божьей Матери, которую она не потеряла во время всех этих испытаний и с ней вернулась домой. Она говорила, что только икона спасла их от смерти. Татьяна Николаевна сейчас хранит эту иконку как реликвию.

Личная история 4. Воспоминания Алексея Екимовича Крылова: «Когда началась война, я был младенцем, которому не исполнилось ещё и трёх месяцев, поэтому помнить жизнь семьи не мог. Всё, что известно, я узнал из рассказов своих родителей и старших сестёр, не любивших вспоминать это тяжёлое военное прошлое.

В Дновском районе, как и повсюду на Псковщине, уже осенью 1941 года развернулась партизанская война против захватчиков. Оккупанты, несмотря на карательные экспедиции, организуемые ими для борьбы с народными мстителями, не могли справиться с мощным партизанским движением и в бессильной ярости мстили мирному населению, сжигая деревни и угоняя людей в рабство. Люди вынуждены были прятаться в лесах, выкапывая там большие землянки-окопы, в которых размещалось по несколько семей. Предатели-полицай находили эти убежища и выдавали скрывавшихся.

Так было и с моей семьёй: их нашёл какой-то молодой полицай и, угрожая пистолетом, заставил всех выходить наверх.

Собрав всех спрятавшихся в окопах, немцы и полицай построили в колонну и погнали на железнодорожную станцию Дно. Это было 8 января 1944 года: зима в тот год была снежная и холодная. Многие люди не успели даже толком одеться. Так же плохо была одета и Екатерина Ивановна, мать Алексея Екимовича, державшая маленького Алёшу на руках. А за подол её юбки

держались ещё две его сестрёнки - десятилетняя Оля и Дуся, которой не исполнилось ещё и семи лет. Рядом шли отец и старшие сёстры - Зина и Настя. Другая сестра, шестнадцатилетняя Клава успела уйти в 5-ю партизанскую бригаду. Затем всех загнали в холодный вагон, в котором перевозили скот, и повезли на запад.

С этого момента, по словам Алексея Акимовича, он уже стал помнить себя. В памяти остались смутные отпечатки каких-то событий, самым ярким из которых стала гроза, разразившаяся в тот момент, когда переезжали реку Одер.

В пути поезд делал большие остановки, поэтому ехали долго. Наконец, всех привезли в небольшой городок Зарау, где их ждал концлагерь, обнесённый несколькими рядами колючей проволоки. Внутри концлагеря тянулись бараки, где предстояло жить.

Семьи разделили по возрасту: старшие узники, от подростков до пожилых людей, оказались в одних бараках, дети - в других. Алексей Екимович помнит, что с сестрёнками Олей и Дусей он оказался в детском бараке, и встречаться с родителями лагерное начальство разрешало лишь один раз в неделю, в воскресенье.

В фашистском концлагере работали почти все заключённые, за исключением самых маленьких. Отец Алексея Екимовича работал столяром и плотником, мать и старшие сёстры были заняты на землекопных работах; Оля и Дуся вместе с другими детьми собирали в мешки камни на полях.

Кормили лагерных пленных чрезвычайно скудно. Взрослым давали по куску хлеба в день, баланду и воду, а детей держали на ещё более скудном пайке. Поэтому постоянной мыслью у детей, как помнит Алексей Екимович, была одна: как бы чего поесть. Мать со своего скудного пайка ежедневно отламывала по крохотному кусочку хлеба, чтобы в воскресенье, при свидании с самыми маленькими детьми, поделиться им. Сёстры Зина и Настя, видя, что мать не съедает даже своей убогой пайки, плакали и делились, в свою очередь, с ней...».

Семья Екима Александровича пробыла в фашистском концлагере более тринадцати месяцев, до середины февраля 1945 года. В нормальной человеческой жизни это небольшой срок. Но в плену, особенно, если ты ребёнок, время тянется во много раз дольше. Далеко не всё может удержаться в памяти узника, которому было от трёх до четырёх лет. Но то, что запомнилось Алексею Акимовичу, как он говорит, не забудется никогда.

Когда рассказчики вспоминали свои истории, на их глазах, то и дело, накатывались слёзы, часто они делали большие паузы, для них это все было реальностью и сейчас, спустя столько лет, и было тяжело слушать, лишь в самой малой степени понимая, как тяжело было им прожить эти страшные годы фашистской оккупации...

Четыре личные истории с описанием условий проживания и описанием своих внутренних состояний являются подтверждением сложного состояния жизнедеятельности общества в период ВОВ, экстремальные условия войны являются опасными для жизни, здоровья и психики человека, вызывающее тревогу, страх и отчаяние. Личные истории характеризуют сущность «нового порядка», устанавливаемого захватчиками на оккупированных территориях и то, в каких бесчеловечных условиях выжило население оккупированной территории Псковского края в период ВОВ.

Рассмотрим подробно основные состояния человека в экстремальных условиях опасных для жизни, по мере их возрастания. Первое - тревога, которая является разновидностью страха, страха за будущее и понимается как «эмоциональное состояние острого внутреннего мучительного бессодержательного беспокойства, связываемого в сознании индивида с прогнозированием опасности или ожиданием чего-то важного, значительного для человека в условиях неопределенности» [2]. Тревога за свою жизнь и близких людей является перманентным состоянием во время экстремальных условий военной оккупации, вызывающим вегетативные расстройства, неврозы, психосоматические нарушения. Стадии развития тревоги по возрастанию описал Ф.Б. Березин, он выделяет пять стадий: ощущение внутренней напряженности, гиперестезические реакции, собственно тревога, страх, неотвратимость надвигающейся катастрофы [2].

Второе состояние - страх, как защитная биологическая реакция. Страх вызывает у человека неприятные, негативные ощущения, но страх — это и сигнал, команда к индивидуальной или коллективной защите, так как главная цель, стоящая перед человеком — это остаться живым, продлить свое существование. В экстремальных условиях страх – типичная реакция. Переживание страха, люди описывают так: напряжение, испуг, струсил, дрожь, боязнь, опасность, паника, спазм,

сжался, желание исчезнуть, ощущение, что это все происходит не с тобой, вера в то, что это просто дурной сон, готов сделать все, чтобы это оказалось неправдой и пр. На переживание страха влияют психологические особенности человека (темперамент, характер, самообладание), возраст и опыт человека, а также и сама ситуация вызывающая страх.

Третье состояние - отчаяние как состояние отсутствия надежды на позитивный исход ситуации, это крайняя безнадежность от угрожающих экстремальных условий в которых находится человек.

Отрицательные эмоции и чувства, возникающие у людей как сигнал тревоги, опасности для организма, мотивирует на изменение ситуации и условий, мобилизуют ресурсы человека, но когда они длятся годами, то становятся застойными и тогда страдает здоровье человека. Из личных историй приведенных выше можно констатировать наличие таких застойных отрицательных эмоций как тревога, страх и отчаяния у гражданских жителей оккупированной Псковской территории во время ВОВ.

Результат и обсуждение:

Встреча с опасностью в экстремальных условиях меняет внутренний мир человека координально и безвозвратно, в то же время раскрывает подлинный смысл духовного существования человека. Именно в экстремальных условиях проявляются как низшие, так и высшие проявления человеческого духа, которые могут стать массовым явлением.

Вся военная психология человека формируется во время войны, в условиях постоянной опасности, и долго сохраняется и после военных действий.

В личных историях зафиксированы воспоминания свидетельств событий, участниками которых являлись жители оккупированной Псковской территории. Устные воспоминания о периоде оккупации – бесценные свидетельства психологии выживания человека во время военных действий, это уникальные личные истории, которые дают почувствовать настроение, эмоции, переживания. Все личные воспоминания субъективны, но тем они и ценны, ведь это жизнь уходящих поколений, которым выпало тяжелейшее испытание.

В экстремальных ситуациях решающую роль играет моральная закалка и психическое состояние человека. Они определяют готовность к осозанным, уверенным и расчётливым действиям в экстремальных военных условиях.

Заключение:

В настоящей работе констатируется, что в современности недостаточно исследований психологии гражданского человека в экстремальных военных условиях и применение полевых исследований сбора устной личной истории могут значительно обогатить знания о психологии человека.

В перспективе для выявления специфики психологии человека в экстремальных условиях методом устного опроса, по подготовленной анкете, выясним чем для жителей Псковской области являлось открытие церквей и возобновление религиозной жизни во время ВОВ, практически уничтоженной за 1920–1930-е годы большевистской властью, какой была религиозная жизнь на Псковщине во время оккупации 1941-1944 гг, что давало людям в оккупации участие в таинствах русской православной церкви, какой ресурс помог выжить на оккупированной территории.

Предполагается изучение архивных документов, беседы с участниками ВОВ и работающими в церковных структурах Псковского края либо знакомых со старым псковским духовенством. Планируется поиск любых свидетельств, связанных с военными годами – устных воспоминаний и свидетельств, фотографий, церковных брошюр либо дневников, предметов церковного быта – облачений, литургических принадлежностей, церковных книг времени ВОВ. Материальные и устные свидетельства, рассказывающие об истории религиозной жизни псковичей и жителей других городов и деревень Псковщины, будут сопоставляться с уже имеющимися в историографии документами и фактами.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Война: Псковщина 1941-1945 гг. // <https://regnum.ru/news/society/2944830.html> (23.07.2021)
2. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 783с.
3. Кулик, С. В. Антифашистское движение Сопротивления на оккупированной территории РСФСР в 1941-1944 гг.: проблемы политического и идеологического противоборства. - Дисс.докт. ист.н., 2007.
4. Псковский край в годы Великой Отечественной войны // <https://pskov.ru/region/istoriya/vov> (23.07.2021)
5. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 383 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. War: Pskov region 1941-1945 // <https://regnum.ru/news/society/2944830.html> (07/27/2021)
2. Ilyin E. P. Emotions and feelings. 2nd ed. SPb.: Peter, 2008. 783p.
3. Kulik S. V. Anti-fascist Resistance Movement in the occupied territory of the RSFSR in 1941-1944: problems of political and ideological confrontation. Diss. Doc. History, 2007
4. Pskov Territory during the Great Patriotic War // <https://pskov.ru/region/istoriya/vov> (07/27/2021)
5. Senyavskaya E. S. Psychology of war in the twentieth century: the historical experience of Russia. M., "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN), 1999. 383 p.